

А.Д. Марчук
ФБОУ ВПО «ВГАВТ»

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Понятие «обвинительная власть» неразрывно связано с состязательным уголовным процессом и деятельностью стороны обвинения – уголовным преследованием. До последнего времени с известными оговорками можно было говорить, о том, что у нас есть единая обвинительная власть, т.е. та структура, которая выдвигает и предъявляет обвинение лицу, предположительно совершившему преступлению, а затем поддерживает обвинение в суде. Первоначальная концепция УПК РФ вполне позволяла говорить о продолжении правовой традиции разделения властей в процессе производства по уголовному делу, ведущей начало от судебной реформы 1864 года. Именно тогда теоретические основы концепции обвинительной власти и были заложены, хотя в советский период об этом было забыто.

Сам термин «обвинительная власть» впервые нашел закрепление в статьях 510, 511 Устава уголовного судопроизводства; статьях 3 и 4 Устава уголовного судопроизводства. Н.А. Буцковский, Н.В. Муравьев, И.Г. Щегловитов, другие видные деятели царской прокуратуры и ученые определяли через понятие обвинительной власти концепцию пореформенного русского прокурорского надзора. Так, Н.А. Буцковский отмечал, что поскольку власть обвинительная должна быть отделена от судебной, постольку обнаружение и преследование виновных необходимо предоставить прокурорам [1]. По мнению Н.В. Муравьева, прокуратура как судебное уголовное учреждение, облечена обвинительной властью, которая проявляется вообще в уголовном преследовании и, в частности, в обвинении на суде. По его словам под «обвинительной властью» подразумевается самый институт прокуратуры и совокупность субъективных прав и обязанностей прокуратуры по уголовным делам [2]. Понятием «обвинительная власть» охватывается и совокупность, облеченных этой властью деятелей, осуществляющих уголовное преследование [3].

Разделение уголовно-судебных функций (на судебную, защитную и обвинительную) в состязательном уголовном судопроизводстве и потребность в специальном государственном органе, полномочным на реализацию публичного уголовного преследования делает прокуратуру органом обвинительной власти, а само уголовное преследование – важнейшим предметом ведения прокурорского надзора [4].

В разных странах обвинительная власть организована различным образом, с учетом национально-правовой специфики. В России, с ее смешанным уголовным процессом модель обвинительная власть всегда сочеталась со следственной властью. В свое время у нас судебно-следственная власть была квазисудебным органом, как бы делегированным в стадию предварительного расследования для внесения элементов состязательности в отношении стороны обвинения, в лице прокурора и подчиненного ему полицейского дознания, с обвиняемым [5]. Теперь иное, после последних изменений законодательства следственная власть позиционируется как принадлежность исполнительной власти, власти правительства, а еще точнее – власти президента. Такой следственной власти еще не было в истории русского уголовно-процессуального права.

Современная обвинительно-следственная власть – это конгломерат обвинительной власти прокуратуры, а также следственной власти правительства. Это новый вид власти и новый тип отношений между субъектами этой власти.

Очевидно, раскол представлявшей ранее органическое единство власти на следственную и обвинительную осуществлен во имя благой цели – создания «системы сдержек и противовесов» внутри структуры власти. Новая модель органов предвари-

тельного расследования по замыслу законодателя должна лучше управляться и контролироваться верховной властью (в виду слабости контроля за ней со стороны гражданского общества и гражданина). В настоящее время это кажется кому-то оптимальным решением в виду угрозы коррупции в правоохранительных органах, в том числе и прокуратуре [6].

Как бы то ни было, по новому закону призваны сосуществовать относительно независимые власти: обвинительная и надзорная власть в лице прокуратуры и подчиненного ему дознания (включая и ОРД) и следственная власть в лице следователя и руководителя следственного органа, которая имеет функцию предварительного расследования. Обе эти власти, вместе с тем, позиционируются на стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК). При этом, несмотря на существенное снижение возможностей по непосредственному проведению досудебного уголовного преследования, прежде всего проводимого в форме предварительного следствия прокуратура по-прежнему остается главным органом государства, ответственным за борьбу с преступностью посредством уголовного и уголовно-процессуального и иного законодательства. Прокурор лишен возможности лично осуществлять уголовное преследование. И в то же время прокурор – это субъект уголовного преследования. Ведь, в конечном итоге, именно он решает судьбу обвинения и уголовного дела. В этом парадокс созданной модели обвинительно-следственной власти.

На наш взгляд, государственные органы уголовного преследования: следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, (п. 47 ст. 5 УПК), а также орган дознания и начальник подразделения органа дознания (хотя они и не упомянуты в пункте 47 ст. 5 УПК) должны выступать как помощники, «процессуальные орудия» прокурора. Все они, в конечном итоге, есть агенты обвинительно-следственной власти. Хотя между ними проводится принцип невмешательства в деятельность друг друга, тем не менее, они должны взаимодействовать и нити этого взаимодействия должны находиться в руках прокурора. Теперь же номинально единство стороны обвинения нарушено, что в условиях состязательности чревато утратой эффективности уголовного преследования, борьбы с преступностью. Это первый, но не единственный порок реформы.

В результате реформы предварительного расследования появились два вида уголовного преследования: уголовное преследование в форме дознания (прокурорское дознание) и уголовное преследование в форме относительно независимого предварительного следствия. Что касается первого, то прокурор в полной мере является его руководителем, уголовное же преследование в следственной форме реализуется достаточно независимыми от прокурора следователем и руководителем следственного органа, составляющими единую вертикаль власти, которая замыкается на Президенте РФ. Таким образом, предварительное следствие прямо не подчинено надзирающему прокурору, и вмешиваться в его производство он непосредственно не может, это неизбежно ослабляет возможности по качественной подготовке обвинения (ведь прокурор видит судебную перспективу, а следователь – зачастую нет).

Но ослабленной оказалось не только функция уголовного преследования, единого руководства им, но и другие функции прокуратуры: надзорная и правозащитная. А ведь они составляли единый отлаженный десятилетиями механизм, который действовал достаточно эффективно. Конечно, были злоупотребления, но эксцессы в деятельности этого механизма не могут отменять сам механизм.

Поскольку предварительное следствие отчасти выведено из-под непосредственного прокурорского надзора, постольку большее значение приобретает судебный контроль и ведомственный контроль в лице руководства следственной власти (которой перешли многие из бывших надзорных полномочий прокуратуры), как гарантия законности и защиты прав и свобод человека и гражданина. Полагаем, что эти гарантии не могут быть равнозначными отмененному прямому повседневному прокурорскому надзору за предварительным расследованием.

Полагаем, что создание единого следственного органа (Федеральной службы расследования) неподнадзорного прокурору еще более усугубит отмеченные пороки. Русского аналога ФБР не может быть, потому что ФБР в основном осуществляет ОРД, в нашем понимании, по узкой категории уголовных дел. Вместо механического заимствования, надо реформировать саму форму досудебного производства – вот где ключ повышения эффективности уголовного преследования.

Список литературы:

- [1] См.: Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. – С-Пб., 1867. – С. 8.
- [2] См.: Муравьев Н.В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора (1891–1892 г.) / Из прошлой деятельности. – С-Пб., 1900. – Т. 1. – С. 534.
- [3] Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. – М., 1899. – Т. 1. – С. 26
- [4] См.: Муравьев Н.В. Указ. соч. – С. 4–5, 26.
- [5] Система, кстати, себя не оправдала.
- [6] Во всяком случае, этот довод выступал ведущим в аргументации инициаторов произошедших изменений.

В.Ю. Толстоуцкий
ФБОУ ВПО «ВГАВТ»

ЗНАЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ СТОРОНЫ КОРРЕЛЯЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

На протяжении более чем 100 лет, криминалистика активно использует общенаучные методы и понятия, включая их в собственный научный арсенал. Ведущие криминалисты прошлого века, сначала А.И. Винберг, а затем Р.С. Белкин, рассматривали отмеченное выше заимствование терминологии иных наук и их криминалистическую трансформацию в качестве одного из законов развития криминалистики. Современная наука настолько широко использует математические средства и методы, что последние могут быть отнесены к категории общенаучных. К сожалению, этого нельзя сказать о юридических науках, поскольку даже в криминалистике, как наиболее активно использующей достижения естественных и технических наук, математика до сих пор не заняла достойного места в системе познавательных средств.

Особое значение среди математических понятий и методов, которые могут быть заимствованы криминалистикой, имеют средства, выработанные теорией вероятностей и математической статистикой. С уверенностью можно утверждать, что для них процесс криминалистической трансформации протекает наиболее медленно. Замедляет процесс освоения не только то, что математические методы, как было уже указано, трудно прививаются любой юридической науке [1], но и то, что статистические методы обладают специфической областью применения в исследовании предмета частной науки.

В криминалистике преимущественное применение получили математические методы, в частности, в области криминалистической техники, особенно в классе традиционных криминалистических экспертиз. Экспертные методики могут иметь серьезный уровень математического обеспечения, однако, используемые в них расчеты, по сути решаемых задач, сохраняют неюридический характер. По сравнению с отмеченными областями криминалистики, существенно отстает математизация криминали-